

О социогенезе кошачьей личности

*Собака думает: человек меня кормит,
ухаживает за мной — он бог;*

*Кошка думает: человек меня кормит,
ухаживает за мной — я бог.*

Следуя за своими классиками, в частности Марксом и Вебером, социология интересовалась только людьми и исключала мир животных из области своих интересов. Апофеозом такой позиции стала очень влиятельная книга Бергера и Лукмана, в которой человек строго отделялся от животного как существо, не вооруженное инстинктами (Бергер, Лукман, 1995)¹. Для разрешения стоящей перед ним проблемы ориентации человек воспользовался языком и прочими символическими системами, которые повлияли на формирование его специфически социальной личности. Отказ животным в обладании собственными сложными личностями в виду отсутствия у них речи восходит к работам Джорджа Герберта Мида. Это радикальное разделение мира людей и животных было оспорено в последние годы прошлого века². Серьезный шаг был сделан, когда исследователи включили животных в список социальных агентов, способных активно влиять на общественные процессы³. Но академическая публика еще не готова к следующему шагу, а именно к исследованиям в области социологии личности животных, которая потребует пересмотра основных на настоящий момент концепций социальности и роли языка. В этой статье я постараюсь поддержать первые исследования в данном направлении.

Объектом нашего интереса станут кошки, создания, вдохновлявшие поэтов и композиторов не меньше, чем красивые женщины и героические мужчины (и значительно больше, чем красивые мужчины и героические женщины). Можно вспомнить знаменитые поэмы о кошках Т. С. Элиота и мюзикл Эндрю Ллойда Вебера. Кошки давно уже стали

¹ Среди культурных антропологов ту же позицию эффектно артикулировал Клиффорд Гирц. (Гирц, К. (2004). Интерпретация культур. Москва: Росспэн: С. 10–11).

² См. например, обзорную статью по данной проблеме: Tovey, 2003.

³ См. например, Latour, 1998; Franklin, 2002.

неотъемлемой частью сельского и городского пространства. В некоторых случаях жизнь сообщества и суть его организации проявляется именно благодаря им. Например, исследование феномена соседства в пригородах крупных английских городов показало, что сама эта форма взаимоотношений ситуативна и раскрывается только в таких событиях как совместный поиск потерявшейся кошки (Laurier, Whyte, 2002). Происходит это потому, что именно кошка активно осваивает соседские пространства и устанавливает постоянные отношения с соседями (подкармливается, ходит в гости, играет с соседскими детьми и охотится в чужом саду), в то время как сами люди держатся отстраненно друг от друга. Дикие бродячие кошки заселяют города и образуют колонии, кошачьи места, которые встроены в инфраструктуру города точно также, как встроены в нее кварталы делового центра и окраин. Так, например, исследователи из Англии изучали расселение бродячих кошек в городе и составили кошачью карту, на которой обозначили очаги дислокации основных колоний (Griffiths, Poulter and Sibley, 2000). Каждая колония была включена в сеть отношений с местными жителями, степень конфликтности которых зависела от района и статуса населяемого пространства. К примеру, дикие кошки, освоившие помещения завода, жили в полном мире и согласии с работниками и получали от них корм. Точно так же кошачью колонию поддерживали пастырь и служители церкви у городского кладбища, которое населяли кошки. Правда, некоторые прихожане высказывали сомнения по поводу соответствия между символическим статусом места и характером жильцов. Наибольшие проблемы в отношениях между кошками и людьми наблюдались в частном секторе, где кошек обвиняли в антисанитарии, шуме и безобразиях.

Исследования этнографов в кошачьем приюте позволили преодолеть стереотип о крайнем кошачьем индивидуализме и отсутствии иерархической структуры в кошачьем сообществе (Alger and Alger, 1999). Наблюдения позволили зафиксировать стабильные однополюсные дружеские пары и наличие постоянных иерархических отношений, в которые были вовлечены не только кошки, но и сотрудники приюта. Такую сложную среду взаимодействия исследователи назвали «кошачьей культурой». Этот термин кажется мне не только оправданным, но и необходимым для преодоления сложившегося водораздела между людьми и не-людьми.

Одним из самых интересных в этом направлении исследований является попытка переосмыслить наследие Мида относительно идеи о социальном Self как ядре личности, которое формируется в отноше-

ниях со значимыми другими на ранних стадиях социализации. Наблюдения за животными, также проживающими в приютах, позволило показать, что животные, несмотря на то, что не владеют человеческим языком, также обладают индивидуальными личностями (Irvine, 2003). Структура их личности точно также состоит из I и Me, которые, пользуясь терминологией Уильяма Джеймса, можно охарактеризовать как систему целей и систему опытов. Базовой интенцией, формирующей Self, является выживание или же непрерывность, ощущение которого наиболее четко проявляется в установлении постоянных и стабильных отношений с другими. Self-в-отношениях с другими есть также и Self-во-времени, то есть поддержание отношений есть манифестация постоянства и жизнеспособности личности для самой себя. Стремление устанавливать постоянные отношения с другими свойственны животным ничуть не меньше, чем людям. Способность животных ассоциировать с собой свое имя и постоянно откликаться и реагировать на него является признаком формирования Self. Следы второй части личности — системы опытов — также можно видеть в поведении животных. Она состоит из способности к волевому действию, а именно ощущения нашего авторства собственных действий, ощущения собственного единства и ощущения собственной истории. Обучаемость животных и способность контролировать спонтанные проявления аффектов требуют наличия всех перечисленных структур. Таким образом, животные могут рассматриваться как полноправные участники осмысленного взаимодействия, несмотря на тот факт, что они не могут высказываться. Такое взаимодействие требует большего внимания к тем проявлениям личности, которые не высказываются, но представляются на другом невербальном уровне.

Данное исследование продолжает выше обозначенный курс. Здесь я рассмотрю базовые черты кошачьей личности, которые формируются на ранней стадии кошачьей социализации и определяют темперамент и характер каждой отдельной кошки. Грегори Бэйтсон определял личность как совокупность привычек восприятия и адаптивных действий плюс, время от времени, имманентное состояние действия⁴. Условия возникновения долгосрочных привычек восприятия и типичных реакций будут находиться в фокусе моего внимания. Я попробую доказать,

⁴ Термин «имманентное состояние действия» (immanent state of action) заимствован Бэйтсоном у Бергаланфи и определяется им как краткая (сиюминутная) необходимость адаптации, в то время как привычка относится к длительной необходимости адаптации (Bateson, 1972: 242–243).

что многое из традиционно относимого к проявлениям кошачьей «природы» в действительности является отражением общности условий социализации. Возникающая в ходе этой социализации модальная структура характера определяет специфически кошачье поведение, которое встраивается в определенные роли в человеческом обществе. Любопытство, восхищение и любовь, которые внушают нам эти животные, во многом определяются чертами их личности. По темпераменту кошек можно сравнить с очень хорошенькими и капризными женщинами, с артистами и художниками, с представителями богемы и аристократии. Материалами для данной статьи стали наблюдения за жизнью кошачьих, которые я вела систематически с раннего детства. Основным объектом изучения стала моя собственная кошка Зося, которая состоялась как мать и позволила наблюдать весь процесс вскармливания маленьких котят.

Мир ушами и ноздрями котенка

Котята рождаются на свет слепыми, и первые несколько дней жизни мир предстает перед ними в звуковом и обонятельном формате. Это обстоятельство сильно определяет статус звука и запаха как источника информации о мире. Самым информативным и важным переживанием для котенка остается запах. По своей разработанности и насыщенности запах в кошачьей жизни можно сравнить только с вербальной информацией в человеческом мире. Предупреждение об опасности, выраженное в знаке «Провода под током», точно так же инструктирует нас не проверять это сообщение, а полностью доверять ему, как запах собаки подсказывает котенку, что нужно срочно забраться повыше. Запах добычи опережает саму добычу и ее визуальный образ, подсказывая, где ее надо поджидать. Этот запах похож на информационное табло на вокзале, когда оно извещает вас, к какой платформе и когда подойдет необходимый поезд. Свисток самого поезда без подготовительной информации будет уже мало важен, так как перебежать вовремя с одной платформы на другую вы уже не успеете, как не успеете догнать заметившую вас мышь.

Несмотря на то, что кошки хорошо видят даже в темноте, их страсти к визуальной информации значительно меньше, нежели у человека. Так, собственное отражение в зеркале их интересует значительно меньше, чем нас самих, прежде всего потому, что с ним не связано никакого дополнительного звука или запаха. Тактильные ощущения также очень важны, но они носят довольно специфический характер. Котята рождаются пушистыми и напрямую соприкасаются с миром только

через нос и подушечки лап. Даже раковины ушей покрыты волосиками, так что мир познается прежде всего как ветер — как потоки воздуха, ерошащие шерсть. В этом смысле можно понять, насколько грубой и некомфортной для кошки является водная стихия. Дело не только в том, что вода может попасть в нос и уши и лишить кота главных источников информации. Дело еще и в том, что в воде шерсть значительно более подвижна и нервные импульсы от волосяных луковиц посылают информацию об урагане, а не об обычном легком дуновении. Принятое мнение, что кошки не умеют плавать, абсолютно ложно. Крупные кошки, такие как тигры, наоборот, очень любят принимать ванну, так как структура их шерсти грубее и переживания менее катастрофичны. Очень часто в силу генетических процессов абсолютно белые кошки рождаются глухими. Это обстоятельство сильно обедняет репертуар переживаний кошки и ограничивает ее дальнейшее развитие, что лишний раз напоминает нам об общей природной тенденции лишать блондинок элементарных способностей.

Шерсть к шерсти

Самым прекрасным местом на земле для котенка является нежное брюшко матери, там и тепло и сытно. Молоко навсегда остается для кошки не просто едой, но символом прекрасного детства. Котенок не только ест на груди и животике кошки, он там проводит почти все первые дни после рождения. На кошачьем пузике растет нежная шерстка и там всегда тепло. Кошачий животик — это самая приватная зона кошачьего тела. Мать останется для котенка самым близким существом на всю жизнь, потому что никто больше из котов и кошек не подпустит его так близко к своему брюшку. Даже в порыве любви отношения складываются более дистанцированно, и только самые раскрепощенные кошки валяются перед своими избранниками на спине, показывая все прелести своего животика. Свернуться калачиком значит не просто принять удобную позу, но и уберечь свой животик от непрошенного посягательства. На всю жизнь с котом останется особенное переживание тепла. Контакт и близость переживаются прежде всего через тепло, так как прикосновение всегда опосредовано шерстяным покровом. Тепло для кошек — это чувство матери, ощущение защиты и необходимый атрибут для счастья. В человеческой жизни эту роль играет прикосновение, в кошачьей — тепло. Именно поэтому кошки настолько теплолюбивы, а грубая по своей фактуре батарея является излюбленным местом ночлега. Наши ласки по отношению к кошкам принимают форму прежде всего прикосновения — поглаживание, поче-

сывание, но их почти всегда принимают с некоторой долей равнодушия. Для кошки значительно большую роль играет тепло ваших рук, нежели само прикосновение, поэтому чем меньше вы мельтешите руками по ее телу и чем больше тепла даете, тем приятнее. Конечно, если только ваши прикосновения не ограничивают ее свободу и не являются заменой тисков. Замечу, что когда кошка хочет обратить на себя внимание и установить контакт, например, когда она просит у вас еду, она именно трется о вас, дарит вам свое тепло — взамен которого требует ответную реакцию. Температура кошачьего тела выше человеческой и составляет 38 градусов, поэтому мир кажется им значительно более холодным, а тепло — значительно более ценным.

Языковые формы гигиены

Первые ласки, которые котенок получает от кошки, весьма функциональны. Кошка вылизывает котенка языком, моет его, и чистота навсегда ассоциируется у последнего с близостью и радостью детства. В кошачьей культуре гигиена вызывает теплые чувства, воспоминания о ласковом мамином шершавом языке, в отличие от бодрящей человеческой гигиены, связанной со свежестью и холодом воды. Общим для человеческой и кошачьей гигиены является стремление избавиться от запаха. В случае с людьми — с целью акцентировать внимание на визуальном образе, в кошачьем — с целью спрятаться. Когда кошка вылизывает котенка, она лишает его собственного запаха, на языке кошек — она делает его невидимкой. Здесь опять необходимо вспомнить о статусе запаха в кошачьем восприятии. Мягкие подушечки на лапках сделают его невидимкой с точки зрения акустики. Невидимость становится главным увлечением кошки на всю жизнь. Хищническая суть кошки состоит вовсе не в кровожадности или плотоядности, вовсе не в хитрости, хотя и это важно, но, прежде всего, в невидимости. Если бы на свете было еще какое-нибудь занятие, кроме охоты, в котором кошка могла бы применять на практике свое стремление быть невидимой, она бы этим занялась. Вылизывание самого себя, таким образом, является перенесением ласки, полученной от матери, на самого себя. Моющаяся кошка не только делает себя невидимой, она еще и совершает некоторое подобие упражнения на повышение самооценки — я себя мою, я себя ласкаю, я себя люблю, как меня в раннем детстве любила мама. Постоянные упражнения поддерживают в кошках этот огонек любви к себе. И если в человеческом обществе подобное действие всячески подавляется, и человека с раннего детства заставляют находить более изощренные способы самоутверждения и поддержания самооценки, а

столь примитивный и не требующий вовлечения других способ клеймится как онанизм, то кошки в этом смысле намного более либеральны и самодостаточны. Кроме того, кошки внимательно, хотя и без брезгливости, свойственной людям, относятся к своим выделениям. Они тщательно закапывают экскременты в песочек. Это продолжение все того же увлечения невидимостью. Любящая мама делала вас невидимым, и теперь вы следуете ее завету.

Все выше и выше и выше

Чтобы охарактеризовать кратко пространственное поведение кошки, достаточно сказать, что она всегда стремится вверх. Это довольно странно, если учесть, что кошки не умеют летать. Кроме того, они довольно плохо умеют спускаться с покоренных высот. Каждый хозяин кошки имел опыт часовых прогулок вокруг одного и того же дерева с криками кис-кис-кис и вызыванием пожарной бригады. И почти каждый пожарник может похвастаться шрамами, полученными во время подобных операций. Строение когтей еще раз подтверждает кошачью устремленность вверх: они замечательно приспособлены для подъемов и совершенно бестолковы на спуске. Тем не менее, кошкам совершенно не свойственна боязнь высоты. В городах они являются основными обитателями крыш и чердаков, несмотря на то, что покрыты эти крыши скользкой жстью. Первый опыт высоты у кошек проходит обычно безболезненно: кошка-мать отрывает котенка от земли и перетаскивает его, держа за шкуру. Впоследствии этот опыт определяет кошачье ощущение и переживание высоты. Кошка стремиться вверх, потому что там наверху находится ее опора, надежная поддержка. А так как поддержка осуществлялась за шкуру, точка опоры всегда находится выше кошки. И чем ближе к этой точке, чем выше, тем безопаснее. Кошка стремиться в бесконечную высоту, так как обречена сама же отдалять от себя источник поддержки. Можно сказать, что кошка чувствует себя обитателем небес, заброшенным на опасную и трудную землю, испытывающим обратное притяжение от земли.

Хвост трубой

Овладение собственным телом таит для котенка новые и чрезвычайно важные переживания, которые определяют его темперамент и характер. Самой интересной частью тела является хвост. Для котенка он не сразу становится однозначно собственным. Какое-то время хвост для него — это предмет извне. Довольно потешно смотреть на котят, гонящихся за собственными хвостиками, волнующихся и в

волнении еще более оживляющих предмет своей охоты. В хвосте самое важное — это его связь с состоянием нервной системы. Различными движениями хвост может передать очень большое количество эмоциональных состояний кошки. Несмотря на то, что постепенно котенок привыкает к своему хвосту, тем не менее он навсегда остается для него немножечко чужим. Хвост находится в гармонии с внутренним состоянием кошки, ибо является инструментом передачи этого состояния. И так как хвост — это отчасти (а подсознательно, согласно первому опыту, полностью) предмет из внешнего мира, кошка всегда находится в эмоциональном равновесии с окружающей средой. Если она волнуется, то что-то во внешнем мире рядом с ней волнуется точно также, если она расслаблена, то и все вокруг спокойно. Складывается ощущение, что окружающий мир отчасти подчиняется ее внутреннему состоянию, поскольку она в принципе владеет своим хвостом. Источником для важных изменений во внешней среде является собственно кошачий внутренний мир. Поэтому важно со вниманием относиться именно к своим внутренним переживаниям, к своему внутреннему миру. Такое погружение в себя, свойственное кошкам, и сфокусированность на себе в человеческом мире называются нарциссизмом. Кошка всегда немножко в себе. Чтобы привлечь ее интерес, необходимо отвлечь кошку от нее самой. Внешне это состояние напоминает сонливость. Томность кошачьего взгляда придает кошкам необычайную сексуальность в глазах людей. Именно настолько погруженные в себя и нарциссичные натуры вызывают в нас особенно глубокие чувства. Кошки — сони, они способны спать по 20 часов в сутки. Способность постоянно грезить есть неотделимая часть кошачьей личности, кошачьей независимости и склонности к одиночеству.

Заключение

Разнообразие кошачьих характеров подсказывает нам, что темперамент и привычки кошки есть результат не столько действия инстинктов, сколько процесса социализации, в ходе которого развиваются те или иные качества из общего репертуара потенциально возможных. Большинство кошек (но далеко не всех!) можно описать как одиноких, самовлюбленных, скрытных, сексапильных и грезящих. Особенности их социализации определяют общий набор так называемых социальных валентностей. Под социальными валентностями Норберт Элиас подразумевал набор возможных отношений, в которые может потенциально вступить социализированный индивид (Elias, 1978). Этот конечный, хотя и весьма широкий, набор определяет те варианты фигураций, в

которых может участвовать индивид. Кошкам свойственно оказываться в центре внимания и восхищения — это та фигурация, к которой более всего приспособлена кошачья натура. Личность кошки входит в резонанс с нашими собственными валентностями, заключающими в себе нашу готовность восторгаться кем-то. В свою очередь кошка остается спокойной и отстраненной. История ранней социализации наделила ее способностью находиться в центре внимания и неспособностью быть поглощенной чем-либо, кроме самой себя. В то же время, кошка независима от порождаемого ею обожания, она не страдает из-за отсутствия внимания, она самодостаточна. В отличие от человека, она не мучается от отсутствия доказательств любви. Человеку же свойственно загонять ближних в комфортные для него фигурации и помещать кошку в патологическую ситуацию полной зависимости от себя. Но при всем при этом это мы обожаем и боготворим их, а не они нас. Их своенравность, независимость, непокорность, упрямство лишь вызывают у нас еще больше восторга.

Такие характеристики свойственны и определенным социальным типам людей, например, уже перечисленным выше представителям богемы и аристократии, хорошему светским женщинам и романтическим бродягам. Данная статья о кошках, а не о людях, и поэтому я не буду здесь касаться истоков и основных механизмов социализации, которые приводят к появлению кошачьего набора социальных валентностей у людей. Неуправляемость, независимость и готовность идти по головам, вполне кошачья устремленность вверх или прочь, сексапильность и отстраненность — эти качества становятся основной несущей конструкцией характера и у некоторых людей. Эти немногие попадают в схожие с кошачьими фигурации, содержащие обожание со стороны окружающих и постоянное сопротивление этому обожанию.

Как видим, исследования кошачьей личности приводят нас к довольно сложным сюжетам. Кошки живут богатой и насыщенной эмоциональной жизнью. Томная ли красавица, лежащая целыми днями на софе, бродячий ли потрепанный жизнью скиталец, центр ли всеобщего внимания и любимец дам — они все исполняют столь же соответствующие их личностным качествам роли, что и мы сами. Уже потому, что они прекрасно справляются с этими ролями и абсолютно адекватно вписываются в ситуации взаимодействия с нами, абсурдно предполагать, что мы чем-то лучше кошек и оснащены какой-то более изощренной внутренней жизнью. Именно поэтому социология была глупа, когда игнорировала кошек. Но мы будем надеяться на грядущие изменения в этой ситуации.

Литература:

Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. М. : Медиум.

Alger, J. M., Alger, S. F. (1999) 'Cat Culture, Human Culture: An Ethnographic Study of a Cat Shelter'. *Society & Animals*, Vol. 7, Issue 3, October. p. 199–219

Bateson, G. (1972) *Steps to an Ecology of Mind*. San Francisco: Chandler Publishing Company

Elias, N. (1978) *What is sociology?* London: Hutchinson.

Franklin, A. (2002) *Nature and Social Theory*. London: Sage.

Griffiths, H., Poulter, I. and Sibley, D. (2000). 'Feral Cats in the City'. In: Chris Philo and Chris Wilbert (Eds.). *Animal Spaces, Beastly Places*. London: Routledge. P. 56–70.

Irvine, L. (2003) 'Mead's Myopia: What His Dog Could Have Told Him About the Self'. *Conference Papers – American Sociological Association, Annual Meeting, Atlanta, GA*. P. 1–38.

Latour, B. (1998) *To Modernize or Ecologise? That is the Question*. In: B. Braun and N. Castree (Eds.). *Re-making Reality*. London: Routledge. P. 221–242

Laurier, E., Whyte, A., Buckner, K. (2002). 'Neighbouring as an Occasioned Activity: Finding a Lost Cat'. *Space and Culture* 5: 346-367.

Tovey, H. (2003) 'Theorizing Nature and Society in Sociology: The Invisibility of Animals'. *Sociologia Ruralis*, Vol. 43, No. 3, July. P. 196–215.